

Образ Голландии в произведениях Фукудзава Юкити

А. Б. Шарова

Аннотация

История японо-голландских отношений началась в 1600 г., когда корабль «De Liefde» достиг берегов Японии. В 1609 г. после аудиенции у сёгуна Токугава Иэясу голландцам удалось получить официальный документ, согласно которому корабли Голландской Ост-Индской компании отныне могли приплывать в Японию. В эпоху Эдо в период самоизоляции Голландия оставалась единственной западной страной, с которой Япония поддерживала торговые отношения. Голландские купцы проживали на искусственном острове Дэдзима в бухте Нагасаки. По началу торговля шла хорошо, однако уже в 1743 г. торговое представительство в Дэдзима впервые понесло убыток.

Постепенно мощь Великобритании, а затем и Соединенных Штатов возрастала, Голландия же, наоборот, ослабевала. Однако это поразительным образом совпало с увеличением влияния Голландии на японскую культуру, быт, язык. В эпоху Эдо эта страна стала для Японии своеобразным «окном в Европу». Существует мнение, что, если бы влияние Голландии в годы политики *сакоку* на Японию было меньшим, то начавшийся в период Мэйдзи процесс модернизации проходил бы значительно труднее.

Великому японскому просветителю эпохи Мэйдзи Фукудзава Юкити (1835–1901) удалось побывать в Голландии в рамках миссии Такэноути в 1862 г. Вероятно, что при написании глав о Голландии в географических сочинениях «Все страны мира» (1869 г.) и «Положении дел на Западе» (1866–1869 гг.), он опирался в том числе и на собственный опыт знакомства с этой страной. Фукудзава причислял Голландию к развитым и просвещенным странам. Однако, по его мнению, Японии следовало идти в ногу со временем и ориентироваться на более передовые страны, такие как США и Великобритания.

Ключевые слова: Фукудзава Юкити, Голландия, японо-голландские отношения, «Все страны мира», «Положение дел на Западе», эпоха Мэйдзи.

Автор

Шарова Анна Борисовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: anchyk90@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1072-9041

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Image of Holland in the Works of Fukuzawa Yukichi

A. B. Sharova

Abstract

The history of Japanese-Dutch relations began in 1600, when a ship called *De Liefde* reached the shores of Japan. In 1609, after an audience with the founder of the Tokugawa dynasty, Shogun Tokugawa Ieyasu, the Dutch managed to obtain an official document according to which the ships of the Dutch East India Company could henceforth sail to Japan. In the Edo era, during the period of self-isolation, Holland remained the only Western country with which Japan maintained trade relations. Dutch merchants lived on the tiny artificial island of Dejima in Nagasaki Bay. At first, trade was going well, but, as early as in 1743, the trade mission in Dejima suffered its first loss.

The power of Great Britain and the United States grew, while Holland, on the contrary, lost its influence. However, the gradual deterioration in the field of trade coincided strikingly with the increase in the influence that Holland had on Japanese culture, life, and language. In the Edo period, Holland became a kind of a “window to Europe” for Japan. There is an opinion that, if Holland’s influence on Japan had been weaker during this period, the modernization process in Japan at the beginning of the Meiji era would have been much more difficult.

The great Japanese educator of the Meiji period Fukuzawa Yukichi (1835–1901) managed to visit Holland as part of the Takenouchi mission (1862). It is likely that, when writing the chapters about Holland in his geographical works “All the Countries of the World” (1869) and “The State of Affairs in the West” (1866–1869), he relied, among other things, on his own experience of getting to know this country. Fukuzawa classified Holland as a developed and enlightened country. However, in his opinion, Japan should keep up with the times and focus on more advanced countries, such as the United States and Great Britain.

Keywords: Fukuzawa Yukichi, Holland, Japanese-Dutch relations, “All the Countries of the World”, “The State of Affairs in the West”, Meiji Period.

Author

Sharova Anna B., Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russia, 103031, Moscow, Rozhdestvenka St., 12.

E-mail: anchyk90@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1072-9041

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Являясь островной страной, Япония на протяжении долгого времени имела отношения лишь с соседними странами. И так исторически сложилось, что первые контакты с европейцами произошли в Японии лишь в середине XVI в. Страна была открыта для контактов с европейцами в течение почти ста лет, начиная с 1542 г. [Кин 1972, с. 5]. Первыми иностранцами, ступившими на японскую землю, были португальские купцы и монахи-иезуиты. Главной особенностью деятельности иезуитов являлась адаптация к местной культуре и подготовка будущих священнослужителей из коренного населения. Как результат – к началу XVII в. в христианскую религию было обращено порядка 250 тысяч японцев [Кужель 2019, с. 323]. Португальские купцы, в свою очередь, поставляли в Японию огнестрельное оружие: ввиду длительного периода междоусобных войн оно пользовалось большим спросом у японских князей-даймё. Помимо этого, португальцы везли в Японию китайский шелк и китайские ткани [Лещенко 2010, с. 224].

Испанцы начали торговать с Японией с 1584 г. Установление торговых отношений Японии с Голландией произошло в 1609 г., а с Англией – в 1613 г. В отличие от Португалии и Испании, Голландия и Англия были в большей степени заинтересованы в торговле, чем в распространении христианской религии [Кудояров 2013, с. 54].

В этот период наука и культура португальцев, а впоследствии и испанцев, оказала большое влияние на японскую культуру. Она получила название 南蛮文化, *намбан бунка*, «культура южных варваров». «Южные варвары» привнесли европейские достижения в такие сферы, как астрономия, медицина, кораблестроение, разведка месторождений серебра [Numata 1964, p. 236]. Интерес к Западу был настолько велик,

что некоторым японцам даже удалось совершить поездки в Европу. Так, под руководством Алессандро Валиньяно (1539–1606), в 1582–1590 гг. было организовано первое японское посольство в Европу: четверо юношей из знатных родов острова Кюсю в сопровождении монахов-иезуитов должны были получить аудиенцию у Папы Римского и посетить ряд европейских стран. Предполагалось, что по возвращении на родину молодые люди расскажут своим соотечественникам о благах, которые несет христианская цивилизация [Кужель 2019, с. 323–324].

По возвращении из поездки японцы были приняты во дворце военным правителем страны Тоётоми Хидэёси 豊臣秀吉 (1537–1598). По всей видимости, Хидэёси придавал большое значение этой поездке. Молодые люди исполнили для него песни на португальском и итальянском, а также сыграли на виоле да гамба, мандолине, лютне и флейте [Кужель 2019, с. 337]. Среди ценных «сувениров», привезенных японцами на родину из путешествия по Европе, стал печатный станок, с помощью которого была организована первая в Японии типография с подвижным металлическим шрифтом [Там же, с. 336]. Но хотя изначально Хидэёси был настроен положительно по отношению к христианской религии и деятельности миссионеров, однако после его походов на Кюсю в 1586–1597 гг. для борьбы с местными *даймё*, многие из которых к тому моменту приняли христианство, он изменил свое мнение. Хидэёси посчитал, что европейцы слишком сильно вмешиваются во внутреннюю политику Японии [Лещенко 2010, с. 225]. Власти боялись усиления позиций христиан и повторения в Японии сценария Филиппин [Кин 1972, с. 5]. В 1587 г. Хидэёси издал указ о необходимости изгнать миссионеров.

Тем не менее, уже во время правления сёгунов Токугава, в 1613 г., *даймё* Датэ Масамунэ 伊達政宗 (1567–1636) отправил своего вассала, самурая Хасэкура Цунэнага 支倉常長 (1571–1622) с дипломатической миссией в Европу¹. Следующую миссию в Европу японцы осуществят только спустя 200 с лишним лет, в 1862 г.

¹ По одной из версий, таким образом Датэ Масамунэ хотел заручиться поддержкой католической Европы в борьбе с кланом Токугава. В Европе Хасэкура Цунэнага даже был крещен под именем Филипп Франциск Хасэкура. Миссия растянулась на семь лет. Однако в это время в Японии было запрещено христианство, поэтому можно говорить о том, что своей цели – налаживания дипломатических, торговых, культурных связей с католической Европой – эта миссия вряд ли достигла. Подробнее см.: [Corradini 1990].

В 1614 г. был издан закон о запрете христианства в Японии и высылке священнослужителей [Кужель 2019, с. 338–339]. Однако сопротивление продолжалось. Ключевой точкой стало восстание в княжестве Симабара на Кюсю. В восстании приняло участие большое количество крестьян, многие из которых были христианами, и *ронины*. Восстание началось 17 декабря 1637 г. Спустя некоторое время повстанцы укрылись в замке Хара в провинции Хидзэн. На подавление восстания было брошено более 125 тысяч человек. Кроме того, *сёгунату* оказали помощь голландцы. Они атаковали со своего корабля замок, в котором укрылись повстанцы [Matsui 2018, p. 142]. Вероятно, в память об оказанной услуге сёгунат разрешил голландцам остаться в Японии и продолжить торговлю, хотя они тоже являлись христианами (протестантами).

Финальной точкой борьбы с христианством стало закрытие Японии от внешнего мира и переход в состояние 鎖国, *сакоку*, «страны на замке». Единственной европейской страной, с которой до середины XIX в. Япония продолжала поддерживать торговые отношения, была Голландия, ставшая для Японии на этот период в каком-то смысле «окном в Европу». Таким образом, голландцам удалось вытеснить из Японии португальцев, своих торговых врагов [Boxer 1951, p. 383]. Англичане же вскоре ушли сами, решив, что торговля с Японией не приносит им должной выгоды [Кин 1972, с. 6].

История японо-голландских отношений

Обращаясь к истории японо-голландских отношений, необходимо сказать, что они начались в 1600 г., когда корабль под названием “De Liefde” («Щедрость»), единственный из пяти кораблей, вышедших из Роттердама, достиг берегов Японии. Голландцев привлекала возможность перепродавать азиатские товары в Лиссабон. В связи с этим было основано множество торговых компаний, в том числе Роттердамская компания, которой и принадлежали “De Liefde” и потерпевшие крушение другие четыре корабля. Кроме того, в 1602 г. была создана Голландская Ост-Индская компания. До 1799 г. все официально прибывшие в Японию голландские корабли были подготовлены именно компаниями [Matsui 2018, p. 139–140].

В Японии в это время шел процесс объединения. Страна была заинтересована в появлении новых торговых партнеров помимо

Португалии, поэтому власти позволили голландским и британским кораблям бросить якорь у берегов Японии [Ibid., p. 139]. В 1609 г. два голландских корабля прибыли в порт Хирадо на Кюсю, после чего представители этой страны были удостоены аудиенции у основателя династии Токугава Токугава Иэясу 徳川家康 (1543–1616). В результате этой встречи голландцам удалось получить официальный документ, согласно которому корабли Голландской Ост-Индской компании отныне могли приплывать в Японию. Кроме того, шести сотрудникам компании было дозволено остаться в Хирадо для открытия торгового представительства [Ibid., p. 140].

В 1619 г. голландцы основали свое торговое представительство в Батавии, ныне Джакарте, а в 1642 г. – на Формозе (Тайване). Это открыло возможность для обмена главным образом китайского текстиля и шелка-сырца, а также оленьей и шагреновой кожи, специй, лаковых изделий из Юго-восточной Азии на японское серебро, а позднее и золото [Ibid., p. 144]. С середины XVIII в. главным экспортным товаром Японии стала медь [Ibid., p. 146]. Другими словами, голландцев в Японии интересовала прежде всего не готовая продукция, а природные ископаемые. Япония играла большую роль для Голландии в плане внешней торговли: в XVII в. более половины своей прибыли Голландская Ост-Индская компания получала за счет торговли с Японией [Doolan 2000, p. 37].

В 1641 г., стараясь одновременно прервать контакты голландцев с местными жителями и поставить деятельность иностранцев под контроль, сёгунат принял решение переместить всех подданных этой страны на крохотный искусственный остров Дэдзима в бухте Нагасаки, который изначально строился для португальцев. Кроме того, голландцы должны были каждый год (позднее – раз в четыре года) являться ко двору сёгуна, преподносить ему подарки и рассказывать обо всем, что происходило за пределами Японии [Matsui 2018, p. 143]. Подобные доклады назывались 風説書, *фусэцугаки*, зачастую они не совсем соответствовали действительности и были призваны обелить Голландию и/или придать ей больший вес по сравнению с другими странами. Порой информация оказывалась уже запоздавшей. Так, о революционных событиях в США (1775–1783) и во Франции (1789–1799), а также о наполеоновском вторжении в Голландию японцам было сообщено с некоторой задержкой, с целью скрыть фактическое положение голландцев на Дэдзима: дела находились не на пике

расцвета, и власти Дэдзима были вынуждены фрахтовать американские корабли [Jansen 1984, p. 542].

В связи с ухудшением общественно-политической ситуации в Голландии, постепенно приходила в упадок и Голландская Ост-Индская компания. Так, в 1743 г. торговое представительство в Дэдзима впервые осталось в убытке [Doolan 2000, p. 38].

Как это ни парадоксально, явное ухудшение в области торговли поразительным образом совпало с увеличением влияния, которое Голландия оказывала на японскую культуру, быт, язык. Например, целый ряд слов, привычный сейчас японскому уху, пришел в японский язык именно из голландского: пиво (ビール), стекло (ガラス), линза (レンズ) [Ibid., p. 39].

Изучение голландского языка началось в г. Нагасаки во второй половине XVII в., и к 1670 гг. появились первые профессиональные переводчики. До этого японцы общались с голландцами на португальском, который был «лингва франка» на Востоке [Кин 1972, с. 14]. Тем не менее, стоит отметить почти полную бессистемность в изучении японцами голландского языка: не хватало учебников, словарей, учителей. Голландцы часто давали японцам весьма нелицеприятные характеристики: «Из-за лени или из-за тупости знает лишь минимальное количество голландских слов, хотя изучал язык несколько лет...» [Кин 1972, с. 14].

Неприязнь, скорее всего, была взаимной. Японцы называли голландцев 紅毛, *комо*, «красноволосыми». В эпоху Токугава волосы считались одним из маркеров для определения понятий «свой–чужой», мужская и женская прически были четко регламентированы, и любое несоответствие общепринятой норме сразу выводило человека за рамки «своих» [Atkins 2017, pp. 56–57]. Кроме того, данное определение призвано было подчеркнуть демоническую сущность голландцев [Кин 1972, с. 20]. Ходили слухи, что у голландцев нет ступней, отчего они носят обувь на каблуке, что они поднимают ногу, как собаки, когда справляют нужду; рассказывали и про их сексуальную ненасытность [Doolan 2000, p. 39].

Однако японцев отталкивала не только внешность голландцев. Уже тот факт, что они были несведущи в китайской науке, давал право некоторым японцам причислять голландцев к разряду животных. Тем не менее, подчас японцам приходилось признать, что «даже животные иногда бывают удивительно искусны» [Кин 1972, с. 20].

Так, художник Сиба Кокан 司馬交換 (1747–1810) на вопрос, почему голландцы, которых причисляют к животным, в некоторых областях научного знания превосходят японцев, сухо отвечал: «Вероятно, люди не так умны, как животные» [Doolan 2000, p. 39].

Несмотря на непрезентабельную, по мнению японцев, внешность голландцев, в эпоху Токугава именно они стали проводниками европейских знаний в Японию. И, как замечает Дональд Кин (1922–2019), «...если бы информация о Западе шла по другим каналам, через более отсталые государства, такие как Испания или Португалия, японцам вряд ли бы удалось много узнать о достижениях современной науки» [Кин 1972, с. 13]. Постепенное накопление европейских знаний в период Эдо привело к формированию так называемой «голландской науки» 蘭学, *рангаку*.

Знакомство с западной наукой позволило части японцев, в первую очередь интеллектуалам, еще дальше отойти от классического знания, где Китай был центром этой картины мира, и посмотреть шире китайских постулатов [Jansen 1984, pp. 549–550]. По мнению Л. Д. Гришелевой, имели место три этапа проникновения западной науки в Японию в эпоху Токугава. Первый этап пришелся на XVII – первую треть XVIII в. Однако в этот период, ввиду жестких запретов на европейские книги религиозного и научного содержания, в том числе в переводе на китайский язык, вкупе с недостатком переводчиков, получение западных знаний представлялось крайне сложным и ограниченным.

Во время правления восьмого сёгуна династии Токугава, Ёсимунэ 徳川吉宗 (в 1716–1745 гг.), запрет на ввоз западных книг на языке оригинала и в переводе на китайский был смягчен. Вероятно, это стало отправной точкой для второго этапа проникновения европейских знаний в Японию в середине XVIII – начале XIX вв. В 1740 г. сёгунат поручил двум японским исследователям, Норо Годзё и Аоки Конъё, заняться изучением голландского языка. В результате Норо составил «Японское описание голландской ботаники», а Аоки – «Краткое описание голландской письменности» [Гришелева 1986, с. 126.]. Таким образом, в этот период западная наука стала частью интеллектуальной культуры эпохи Эдо. И, как результат, именно в конце XVIII в. западная наука стала называться не 蛮学, *бангаку*, «варварской наукой», а *рангаку*, что может свидетельствовать об уважительном отношении к этой области знания [Кин 1972, с. 28].

В большей степени японцев интересовало изучение прикладных наук: медицины, астрономии, географии. Среди членов голландской миссии на Дэдзима всегда был один или два врача, от которых японцы могли наиболее полно узнать о достижениях западной техники и медицины. Первыми реципиентами западных знаний становились переводчики [Numata 1964, p. 237]. Не последнюю роль сыграли и прямые контакты с выдающимися учеными, врачами голландской фактории – Энгельбертом Кемпфером (1651–1716), Карлом Петром Тунбергом (1743–1828) и Филиппом Францем фон Зибольдом (1796–1866).

Кроме этого, японцев очень привлекала европейская масляная живопись с ее игрой светотени и понятием перспективы. Среди успешных художников – «первооткрывателей» западного искусства в эпоху Токугава можно назвать изобретателя, фармацевта и писателя, автора повести «Похождение весельчака Сидокэна» Хирага Гэннай и художника и гравёра Сиба Кокан. Сиба писал: «В европейском искусстве разделение солнечного света на свет и тень демонстрируют неравномерность, даль и близость, глубину и плоскость. Картина, как я уже говорил, не может быть хорошей до тех пор, пока она не ставит своей целью реалистичность изображаемого» [Tamon 1964, pp. 392–393].

К третьему этапу проникновения западных знаний в Японию можно отнести последние три десятилетия перед открытием страны. По мнению Л. Д. Гришелевой, в это время западная наука вышла за пределы чисто прикладного знания и стала оказывать значительное влияние на общественно-политическую мысль и медицину. Так, государственный деятель Мацудайра Саданобу 松平定信 (1759–1829) еще в конце XVIII в. отмечал, что западные книги могут быть полезны, но также способны нанести большой вред, если попадут не в те руки: «Варвары преуспели в науках, их труды по истории и географии могут принести немалую пользу, также как их военное снаряжение и медицина – способы лечения внутренних болезней и хирургия. Тем не менее их книги способны возбуждать праздное любопытство, или же содержать вредоносные идеи. Исходя из этого может показаться разумным вообще запретить голландские книги, однако простым запретом не удастся помешать читать эти книги. Кроме того, некоторые книги могут принести пользу. Поэтому нельзя допустить, чтобы голландские книги и прочие иностранные вещи попадали в большом

количестве в руки людей безответственных; желательно, чтобы эти книги хранились в правительственных библиотеках» (цит. по: [Кин 1972, с. 81]).

С конца XVIII – начала XIX вв. рамки понятия *рангаку*, базирующегося в первую очередь на переводческой деятельности, значительно расширились до возникновения так называемой «науки о Западе» 洋学, *ёгаку* [Jansen 1984, p. 545]. Помимо западной медицины, японцы проявляли интерес к ботанике, астрономии, достижениям европейской техники, западным общественно-политическим идеям [Лещенко 2010, с. 225]. При этом отмечался не только интерес к западной науке как к источнику просвещения, но и как к способу понять Запад, чтобы оценить опасность, которую он в себе несет [Jansen 1984, p. 547–548]. Ближе к концу эпохи Токугава «наука о Западе» становится частью 実学, *дзигугаку*, «практической науки» [Ibid., p. 550]. В первую очередь сюда относились такие области знания, как медицина и военное дело, в частности, его оборонный аспект. А ближе к 1850-м гг. изучение западной медицины и вовсе стало составной частью курса обучения будущих врачей в Японии [Ibid., p. 551].

Первая в Японии школа голландского языка появилась в 1789 г. и получила название «Сирандо» (芝蘭堂). В период с 1789 по 1826 гг. в ней обучалось 94 ученика [Кин 1972, с. 33]. По большей части ученики школы интересовались достижениями западной медицины, поэтому голландский язык носил скорее прикладной характер. Впоследствии такие школы получили распространение по всей стране. Так что к концу эпохи Токугава изучение голландского языка и западных наук прочно вошло в обиход японцев. Более того, в те годы помимо голландского языка на Дэдзима можно было познакомиться с основами французского, русского и английского языков. По мнению японцев того периода, эти три языка, использующие горизонтальное письмо слева направо, казались родственными [Jansen 2009, p. 266].

Среди учеников одной из таких школ, руководимой специалистом по западным наукам Огата Коан, оказался будущий просветитель, писатель и переводчик, первый президент Токийской Академии наук Фукудзава Юкити, чьи обширные знания о других странах мира и особенностях западной цивилизации оказали большое влияние на становление новой Японии в эпоху Мэйдзи. Кстати говоря, его первым иностранным языком также стал голландский, и уже

впоследствии на его основе он с относительной легкостью смог овладеть английским языком, что позволило ему быть в курсе всех происходивших в мире основных событий. Фукудзава писал: «Япония заключила международные договоры, и теперь будет востребован английский. Если интересуешься Западом, без английского не обойтись. Поэтому у меня не оставалось выбора: надо учить английский» [Мещеряков 2025, с. 179].

В XIX в. ситуация на международной арене начала стремительно меняться. В результате Опиумной войны (1839–1842) Великобритания заставила Китай открыть пять портов для международной торговли и уступить ей Гонконг. Участь оказаться «следующей» отчетливо нависла над Японией. Однако оба официальных предупреждения об опасности и необходимости открыть порты, предоставленные голландцами², не иначе как ввиду долгих дружеских взаимоотношений с Японией, не были восприняты японцами всерьез.

В 1853 г. эскадра коммодора Перри заставила Японию открыть свои порты. Первые контакты между американцами и японцами осуществлялись посредством голландских переводчиков, однако быстро стало понятно, что необходимо осваивать другие языки для более успешной коммуникации.

Первое консульство Нидерландов было открыто в Йокогама в 1859 г., за ним последовало создание дипломатических миссий в Токио и Кобэ. Голландцы поставили японцам первый пароход, обучали их кораблестроению и ремонту судов, голландские специалисты помогали японцам в разработке ирригационных каналов. Японцы, в частности, будущие государственные деятели периода Мэйдзи – Ниси Аманэ, Цуда Мамити, Утида Масао – отправлялись на обучение в Голландию, славящуюся морским делом. Фукудзава Юкити тоже довелось там побывать.

Тем не менее, роль Голландии как мощной страны, крупной торговой империи, единственного посредника между Японией и Западом неуклонно снижалась. Японский дипломат и ученый-«западник» Мацуки Коан (1832–1893), посетив Голландию в 1862 г., писал: «Я должен честно сказать, что даже поразительно, насколько страна маленькая и незначительная». И добавлял: «Во всем, если сравнивать

² См. официальный сайт Королевства Нидерландов: <https://www.netherlandsandyou.nl/your-country-and-the-netherlands/japan/and-the-netherlands/dutch-japanese-relations>.

Голландию с Англией, Францией и Германией, она лишь одна сотая от того, чем являются эти страны» [Jansen 1984, p. 553].

В свою очередь Фукудзава, владея голландским языком, столкнулся в Йокогаме в 1859 г. с тем, что не понимал, о чем говорят иностранцы и не мог прочесть ни одной вывески. Это привело его к осознанию того, что голландский язык отнюдь не является первостепенным и что необходимо срочно осваивать английский. Другими словами, по мнению Фукудзавы, будущее в целом было отнюдь не за Голландией.

Образ Голландии в произведениях Фукудзавы Юкити

О структуре работ Фукудзавы Юкити «Все страны мира» и «Положение дел на Западе» мы ранее писали в статьях, посвященных образам России и США в его сочинениях [Шарова 2023; Шарова 2024].

Описание Голландии помещено в третьем томе «Всех стран мира» (世界國盡, «Сэкай куни дзукуси») наряду с описаниями других европейских стран, и занимает, с учетом иллюстраций и скорописного текста внизу страницы, немногим более двух страниц. Фукудзава сообщает о численности населения Голландии – три миллиона шестьсот тысяч человек – а также пишет, что страна разделена на множество маленьких клочков земли [Fukuzawa 1869, p. 25]. Другими словами, делается намек на значительную изрезанность рельефа, но, возможно, также на наличие частных владений, и косвенно на рациональность в использовании имеющейся земли под сельскохозяйственные нужды. При этом Фукудзава отмечает полное отсутствие гор и наличие рек в низменных долинах, умелое использование голландцами большого количества воды, которая могла бы доставлять неудобство, искусность в строительстве насыпей и организации водоемов [Ibid., p. 25–26]. Голландцы очень усердны в полевых работах, и, хотя продукции с земли собирается немного, однако ее поставляют во все страны, она служит средством торгового обмена, и это, видимо, способствует тому, что одежда голландцев богата, а пища – изобильна [Ibid., p. 26].

Фукудзава подчеркивает высокую культуру голландцев, указывая, что «все жители прилежны в искусствах и науках» [Ibid.]. К слову, другой известный японский ученый-«западник» и писатель Утида Масао в своей географической энциклопедии «Краткое описание

земли под небесным сводом» также высоко оценивает образованность жителей Голландии, рассказывая о наличии школ, университетов, библиотек, картинных галерей, и даже акцентируя внимание на нескольких живописных полотнах местных художников. Кроме того, по мнению Фукудзава, сильной стороной Голландии является флот [Ibid.]. Это также отмечал и Утида, проживший в Голландии несколько лет и обучавшийся там кораблестроению.

Фукудзава сообщает, что столицей страны является Гаага, и восхищается красотой центра города. Видимо, подобное было характерно не для всех крупных европейских городов середины XIX в., раз автор отдельно обратил внимание читателей на этот факт. Можно привести в пример воспоминания членов миссии Такэноути (1862–1863) – японского посольства в Европу, основной целью которого было основательное знакомство с устройством Франции и Великобритании, посещение Мальты, Голландии, Пруссии, Португалии, а также столицы Российской империи Санкт-Петербурга [Ковальчук 2010, с. 297]. Один из членов миссии, Сибата Такэнака, в письме на родину заявлял, что Лондон «оказался достаточно грязным и задымленным городом», а его соотечественник и переводчик миссии признавался, что «не ожидал увидеть на улице европейской столицы столько пьяных и попрошайек» [Ковальчук 2010, с. 298].

Миссии Такэноути в Голландии был оказан самый теплый прием: гостей встречали японскими флагами и приветствиями на японском языке, а после члены миссии получили аудиенцию у короля. На протяжении всей эпохи Токугава Голландия прочно ассоциировалась у японцев с Западом. Вероятно поэтому, как отмечает А. Н. Мещеряков, «в своих речах Такэноути (глава миссии. – А. Ш.) подчеркивал, что он будто бы вернулся на свою вторую родину» [Мещеряков 2009, с. 114]. Фукудзава тоже был среди членов миссии – и это был его второй приезд на Запад [Там же, с. 112]. Поэтому описание Голландии он скорее всего составлял, опираясь не только на справочную литературу, но и на собственное восприятие этой страны.

Помимо Гааги Фукудзава также упоминает портовый город Амстердам, который является «главным процветающим местом обмена и торговли». После текста читателю также предлагается иллюстрация, на которой изображен королевский дворец и подписано «Вид на Амстердам» [Fukuzawa 1869, p. 25].

Вслед за Голландией Фукудзава в своей работе переходит к краткому описанию Бельгии. Он сообщает, что раньше эта страна являлась частью Голландии, поэтому нравы там мало отличаются от голландских. Фукудзава пишет также, что Бельгия географически раздроблена еще больше, чем Голландия, но «по сравнению с Голландией, земля у нее лучше, поэтому народ все силы вкладывает в сельское хозяйство, и нет ни клочка простаивающей земли» [Ibid., p. 26]. Японский просветитель особо отмечает, что бельгийцам вообще свойственно без усталости трудиться, и это является залогом богатства и силы страны [Ibid., p. 27]. Автор говорит, что на территории страны есть залежи железа и каменного угля – о наличии природных ископаемых в Голландии не сообщается. И в целом, по мнению Фукудзава, Бельгия страна хоть и маленькая, но напоминает Англию [Ibid., p. 26].

В сборнике «Положение дел на Западе» (西洋事情, «Сэйё дзи-дзё») описание Голландии помещено во второй том, сразу после США и перед Великобританией, о которой идет речь в третьем томе. Однако объемы текстов явно непропорциональные: США занимает сорок три разворота, тогда как Голландии – всего девять. Поскольку в первом томе даются общие сведения по общественно-политическому устройству стран Запада, а описание стран начинается со второго тома, получается, что Голландии отводится весьма почетное второе место и первое место среди стран Европы. Вероятно, это потому, что Голландия была знакома и исторически близка Японии. По характерной для этого сочинения Фукудзава схеме описание Голландии разбито на следующие пункты: история, политика, военно-морские силы, товарно-денежные отношения.

Фукудзава указывает, что с 1500-х по 1700-е гг. в Голландии процветала торговля [Fukuzawa 1866, p. 46], что по времени частично совпадает с успешной деятельностью Голландской Ост-Индской компании в целом и в Японии в частности. Все это оказалось возможным благодаря неукоснительному соблюдению голландцами законов – как на своей территории, та и в заморских владениях [Ibid., p. 47]. По словам Фукудзава, военно-морская мощь Голландии по-прежнему продолжает восхищать: хоть и весьма кратко, по сравнению, например, с Англией и Францией, он упоминает значительное количество судов, в том числе оснащенных пушками, а также численность морских и сухопутных войск [Ibid., p. 50].

Любопытно, что, подробно расписывая годовой доход Голландии, а также расходы на армию, флот и т. д., Фукудзава указывает суммы в долларах, тогда как в случае Англии это фунт, Франции – франк, России – рубль. Возможно, такое решение было принято автором для облегчения подсчетов читателями – ведь описание Голландии располагалось сразу после США и предполагало сравнение.

Фукудзава характеризует Голландию как страну, в которой отчетливо проявляется верховенство закона. Он указывает на наличие там конституционной монархии, когда есть не только правитель, но и ограничивающий его власть выборный орган. Фукудзава подчеркивает, что правитель не является неподсудным: «Если монарх виновен, то его можно наказать, как и всех» [Ibid., p. 47]. Показательно, что при описании России Фукудзава, напротив, подчеркивает, что власть правителя носит здесь неограниченный характер, а значит, страну нельзя в полной мере причислить к государствам западной модели.

В последующих своих трудах Фукудзава будет развивать эту тему, в итоге придя к мысли о том, что власть правителя не должна быть неограниченной. В качестве примера грамотной реализации этого тезиса он приводил Великобританию, где в рамках одной управленческой системы существуют как монарх, так и парламент. Для Японии второй половины XIX в. эта идея могла показаться новаторской и даже радикальной, и на практике она была реализована только после окончания Второй мировой войны.

По мнению Фукудзава, Голландия – высококультурная страна с хорошо образованным населением, ведь она изначально была в центре европейского просвещения [Ibid., p. 49]. Фукудзава пишет, что на 1851 г. в Голландии насчитывалось три тысячи двести девяносто пять младших школ, которые посещало 361 015 детей. По словам Фукудзава, население страны составляло 3 767 661 человек, из которых детей от пяти до пятнадцати лет – примерно семьсот тысяч. Другими словами, больше половины детей по всей стране ходят в школы [Ibid., p. 49]. Кроме того, в трех самых процветающих университетах Голландии – в Лейдене, Утрехте и Гронингене – суммарно обучаются 1019 человек [Ibid., p. 50].

Заключение

В эпоху Токугава единственной европейской страной, с которой Япония продолжала поддерживать торговые отношения, была Голландия. В этот период Голландия стала для Японии своего рода идеальным мостиком на Запад, важным источником получения информации о внешнем мире, страной «слишком маленькой, чтобы быть угрожающей, и достаточно центральной, чтобы служить каналом для европейских знаний, большинство из которых быстро переводились на голландский» [Jansen 1984, p. 542]. Значение голландско-японских взаимоотношений трудно переоценить: быстрая перестройка Японии в конце эпохи Эдо – начале эпохи Мэйдзи оказалась возможной во многом благодаря почве, подготовленной голландским влиянием.

После реставрации Мэйдзи Япония встала на капиталистический путь развития и взяла курс на промышленный прогресс. С этого момента прежние показатели в области образования, культуры, искусства оказались недостаточны и уступили место другим ориентирам. Это изменило положение Голландии в общем рейтинге государств, выдвинув на первый план Великобританию, США, Францию, Германию. И тем не менее, в цивилизационном отношении Голландия являлась для Японии отправной точкой в приобщении к западной цивилизации и вестернизации страны.

Библиографический список

Гришелева Л. Д. (1986). *Формирование японской национальной культуры*. – Москва: Наука.

Кин Д. (1972). *Японцы открывают Европу. 1720–1830*. – Москва: Наука.

Ковальчук М. К. (2010). Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобританию. *Ежегодник Япония*. Т. 39. С. 293–308.

Кудояров Н. В. (2013). Японо-голландские отношения в эпоху Эдо (1603–1868). *Вестник СПбГУ*. Серия 13. Вып. 3. С. 54–61.

Кужель Ю. Л. (2019). Связи Японии с европейским католическим миром (к. XVI – н. XVII вв.). *Ежегодник Япония*. Т. 48. С. 321–343.

Лещенко Н. Ф. (2010). *Япония в эпоху Токугава*. – Москва: Крафт+.

Мещеряков А. Н. (2009). *Император Мэйдзи и его Япония*. – Москва: Наталис.

Мещеряков А. Н. (2025). *Жизнь и автобиография Фукудзава Юкити: путь из страны самураев в страну японцев*. – Москва: Лингвистика.

Шарова А. Б. (2023). Образ России в произведениях Фукудзава Юкити и его современников. *Ежегодник Япония*. № 52. С. 212–228.

Шарова А. Б. (2024). Образ США в произведениях Фукудзава Юкити. *Ежегодник Япония*. № 53. С. 265–281.

References

Atkins, E. T. (2017). *A History of Popular Culture in Japan. From the Seventeenth Century to the Present*. London: Bloomsbury Academic.

Boxer, C. R. (1951). *The Christian Century in Japan, 1549–1650*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.

Corradini, P. (1990). Some Problems Concerning Hasekura Tsunenaga's Embassy to the Pope. In *Rethinking Japan: Social sciences, Ideology & Thought*, ed. by Adriana Boscaro, Franco Gatti, Massimo Raveri (pp. 21–25). UK: Psychology Press.

Doolan, P. (2000). The Dutch in Japan. *History Today*, 36–42.

Fukuzawa, Y. (1866). *Seiyō Jijyō* [Things Western], Vol. 2. Tokyo: Shōkodō. (In Japanese).

Fukuzawa, Y. (1869). *Sekai kuni dzukushi* [All the Countries of the World, for Children Written in Verse], Vol. 3. Tokyo: Keio gijuku jōhan. (In Japanese).

Grishelyova, L. D. (1986). *Formirovanie japonskoi natsuinai'noi kul'tury* [Formation of the Japanese National Culture]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Jansen, M. B. (1984). Rangaku and Westernization. *Modern Asian Studies*, 18 (4), 541–553.

Jansen, M. B. (2009). *The Making of Modern Japan*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Keane, D. (1972). *Yapontsy otkryvayut Evropu. 1720–1830* [The Japanese Discover Europe. 1720–1830]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Kovalchuk, M. K. (2010). *Znakomstvo s Evropoi. Missiya Takenouchi* [Acquaintance with Europe. Takenouchi Mission to Great Britain]. *Yearbook Japan*, 293–308. (In Russian).

Kudoyarov, N. V. (2013). Yaponogollandskie otnosheniya v period Edo (1603–1868) [Japanese-Dutch Relations in the Edo Period (1603–1868)]. *Vestnik SPbGU*, Series 13, 3, 54–61. (In Russian).

Kuzhel, Yu. L. (2019). Svyazi Yaponii s evropeiskim katolicheskim mirom (konets XVI – nachalo XVII v.) [Japan's Relations with the European Catholic World (late 16th – early 17th century)]. *Yearbook Japan*, 48, 321–343. (In Russian).

Leshenko, N. F. (2010). *Yaponiya v period Tokugawa* [Japan in the Tokugawa Period]. Moscow: Craft+. (In Russian).

Matsui, Y. (2018). Japanese-Dutch Relations in the Tokugawa Period. *Transactions of the Japan Academy*, 72, 139–154.

Meshcheryakov, A. N. (2009). *Imperator Meidzi i ego Yaponiya* [Emperor Meiji and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2025). Zhizn' i avtobiografiya Fukudzava Yukiti: put' iz strany samurayev v stranu yapontsev [The Life and Autobiography of Fukuzawa Yukichi: The Path From the Land of the Samurai to the Land of the Japanese]. Moskva: Lingvistika. (In Russian).

Numata, J. (1964). The Acceptance of Western Culture in Japan. General Observations. *Monumenta Nipponica*, 19 (3/4), 235–242.

Sharova, A. B. (2023). Obraz Rossii v proizvedeniyakh Fukudzava Yukiti i yego sovremennikov [The Image of Russia in the Works of Fukuzawa Yukichi and His Contemporaries]. *Yearbook Japan*, 52, 212–228. (In Russian).

Sharova, A. B. (2024). Obraz SShA v proizvedeniyakh Fukudzava Yukiti [The Image of the USA in the Works of Fukuzawa Yukichi]. *Yearbook Japan*, 53, 265–281. (In Russian).

Tamon, M. (1964). The Influence of Western Culture on Japanese Art. *Monumenta Nipponica*, 19, 3/4, 380–401.